
СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL, HISTORICAL STUDIES AND SECURITY

Научная статья / Research Article

УДК: 303.436.3

DOI: 10.14258/SSI(2025)3–09

Как привратники формируют исследовательское взаимодействие

Надежда Илшатовна Галиева

Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия, galieva@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1967-3577>

Аннотация. При проведении административных опросов особую значимость приобретает вопрос институционального доступа и роли привратников в формировании исследовательского поля. В исследовании, проведенном в рамках проекта по развитию системы долговременного ухода для пожилых людей и инвалидов в Российской Федерации, установлено, что административный доступ существенно влияет на состав выборки и характер взаимодействия с респондентами. На материале более 100 фокусированных интервью в трех регионах России анализируются механизмы отбора информантов и динамика интервью в условиях административного рекрутинга. Особое внимание уделено тому, как восприятие исследователя как внешнего проверяющего ограничивает откровенность высказываний и снижает вариативность данных. Показано, что административный доступ, обеспечивая логистическую эффективность, формирует жесткие фильтры, отбирая лояльных респондентов и «витринные» кейсы. Представлены рекомендации по адаптации методологии качественных исследований к таким условиям.

Ключевые слова: качественное интервью, административный опрос, привратники, система долговременного ухода, институциональные ограничения, рекрутинг информантов, смещение

Финансирование: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС за 2025 г.

Для цитирования: Галиева Н.И. Как привратники формируют исследовательское взаимодействие // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 3. С. 162–176. doi: 10.14258/ssi(2025)3–09.

How Gatekeepers Shape the Research Interaction

Nadezda I. Galieva

Center «Institute of Social Analysis and Forecasting», Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, galieva@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1967-3577>

Abstract: Institutional access and the influence of gatekeepers are critical methodological concerns in administrative surveys, especially within hierarchical organizations. This article explores these dynamics through an empirical study of Russia's long-term care system for the elderly and people with disabilities. Based on over 100 focused interviews conducted across three Russian regions, the research investigates how gatekeeper-mediated administrative access influences both sample composition and the nature of interactions with respondents. The findings indicate that while administrative recruitment streamlines fieldwork logistics and ensures efficient coordination, it simultaneously introduces rigid selection filters that constrain respondent diversity and limit the openness of responses. Informants often perceive researchers as external inspectors, which encourages self-censorship and fosters the prevalence of "showcase" cases. The study emphasizes the methodological risks associated with administrative access, including selection bias, the dominance of institutionally loyal respondents, and the difficulty of eliciting authentic, nuanced accounts. The article concludes by providing practical recommendations for qualitative researchers working in similar settings.

Keywords: qualitative interview, administrative survey, gatekeepers, long-term care system, institutional constraints, informant recruitment, bias

Financial Support: this article was prepared as part of the scientific research work under the state assignment of RANEPA for the year 2025.

For citation: Galieva, N. I. (2025). How gatekeepers shape the research interaction. *Society and Security Insights*, 8(3), 162–176. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)3–09.

Проведение качественных интервью в иерархических институтах сопряжено с рядом методологических вызовов, прежде всего связанных с необходимостью институционального доступа и взаимодействием с так называемыми привратниками (gatekeepers). В роли привратников выступают люди, организации или институты, которые контролируют доступ к исследуемым группам и могут либо способствовать, либо препятствовать их изучению (Hayes, 2005; Clark,

2011; Crowhurst, Kennedy-Macfoy, 2013; Emmerich, 2016; Hughes, 2019; Kay, 2019). Выделяют формальных и неформальных привратников, каждый из которых обладает различными механизмами контроля доступа. Формальные привратники занимают руководящие должности в бюрократических структурах, они уполномочены давать официальные разрешения и содействовать доступу к исследуемой группе. Неформальные привратники — люди внутри организаций, обладающие доверием целевой группы и выступающие посредниками между исследователем и участниками (Wanat, 2008).

Привратники оказывают влияние не только на состав выборки, но и на содержательные рамки интервью, о чем информанты готовы или не готовы говорить с исследователями (Groger, Mayberry, Straker, 1999; Crowhurst, Kennedy-Macfoy, 2013; Emmerich, 2016; Gřundělová, Broskevičová & Kowolová, 2024). Привратники фильтруют информантов по своим представлениям о «безопасных» участниках и предпочтительных темах, что особенно ярко проявляется в условиях институциональной лояльности (Broadhead, Rist, 1976; Wanat, 2008). Более того, как подчеркивает Сангхера и Тхапар-Бьёркерт, каждый информант потенциально также является привратником, фильтрующим как собственное высказывание, так и доступ к другим участникам (Sanghera, Thapar-Björkert, 2008: 549).

В результате формируется разветвленная, многоуровневая система фильтрации и контроля, где на каждом из этапов неизбежно возникают специфические искажения, существенно изменяющие характер получаемых данных. Тем не менее, как отмечают Гржунделёва и соавторы, эффективное исследование иерархических систем невозможно без активного участия и поддержки влиятельных привратников, играющих ключевую роль в процессах отбора и передачи информации (Gřundělová, Broskevičová & Kowolová, 2024).

Критическое осмысление роли привратников, осознание собственной исследовательской позиции и анализ систематических искажений, возникающих на этапе рекрутинга, открывают возможности для более взвешенной интерпретации собранных данных. Открытое описание ограничений и допущений, включая потенциальные ошибки, барьеры и конфликты, связанные с доступом к полю, не только усиливает исследовательскую позицию, но и способствует повышению качества и надежности знания.

Организация доступа и рекрутинг информантов

В рамках научно-исследовательского проекта «Развитие системы долговременного ухода для пожилых людей и инвалидов в Российской Федерации» нашей задачей было выявление лучших практик, форм и методов предоставления социальных услуг старшему поколению и инвалидам. Для этого требовалось провести фокусированные интервью с государственными служащими,

отвечающими за внедрение СДУ в регионах, представителями организаций, осуществляющих социальное обслуживание, помощниками по уходу и получателями услуг.

На этапе подготовки мы составили и отправили в три региона исследования на электронную почту администрации губернаторов информационные письма-запросы⁴⁸ с описанием планируемого исследования и просьбой о содействии. Информационные письма содержали запрос об организации фокусированных интервью с четырьмя категориями информантов (по 32 информанта на каждый регион).

В каждом регионе запрос передавался от губернаторов в региональные министерства труда и социальной защиты, которые выступали формальными привратниками, именно они координировали отбор и организацию интервью, включая контакты с территориальными ресурсными центрами и поставщиками социальных услуг. Наша аффилиация с Президентской академией стала ключевым фактором получения доступа, наш институциональный статус легитимировал запрос и повысил готовность административных структур к сотрудничеству. Не случайно Бродхэд и Рист указывают, что «*те редкие чувствительные исследования, которые все же проводятся, особенно касающиеся влиятельных бюрократических структур и организаций, чаще всего становятся возможными благодаря тому, что сами исследователи занимают нужные институциональные позиции*» (Broadhead, Rist, 1976: 333).

Однако такой формат взаимодействия означал, что мы фактически утратили возможность контролировать состав выборки. Наш контроль ограничивался лишь предварительным этапом, на котором мы отобрали регионы, целевые категории информантов, а также желаемое количество интервью. Однако дальнейшее формирование выборки оказалось в значительной степени зависимым от привратников, от их интерпретации целей исследования, представлений о нашей работе и ожиданий относительно возможных результатов. В целом принципы отбора итоговых информантов, особенно помощников по уходу и получателей услуг, остались для исследовательской команды непрозрачными. В одном из регионов с развитой системой СДУ, по словам координатора из Минтруда, КЦСОНы отбирались по охвату (большое и маленькое число получателей услуг) и удаленности (ближе и дальше от столицы региона).

Таким образом, рекрутинг происходил через многоступенчатую цепочку привратников, где на каждом уровне иерархии действовал свой фильтр (рис. 1). Это наложило ограничения как на разнообразие выборки, так и на характер будущего взаимодействия в рамках интервью.

⁴⁸ Заметим, что до рассылки информационных писем руководство нашего исследовательского центра несколько раз встречалось с Министерством труда и социальной защиты РФ для согласования задач исследования, гайдов и самих информационных писем.

Рисунок 1 — Уровни организации фокусированных интервью
в рамках административного опроса

Figure 1 — Levels of organization of focused interviews within the framework of an administrative survey

Особенности полевой работы в рамках институционального доступа

Полевой этап в рамках административного исследования отличается прежде всего высокой степенью формализации. Во-первых, за несколько дней до выезда в регион министерства труда высыпали нам утвержденный график интервью с указанием ФИО, должностей информантов и точного времени. Этот график формировался без дополнительного запроса со стороны исследовательской группы. Кроме того, нам предоставлялась служебная машина для перемещения между локациями. При первом знакомстве с КЦСОНами, как правило, исследовательской команде проводили экскурсию, а затем приглашали к столу с бутербродами, печеньями и чаем/кофеем, что символически подчеркивало гостеприимство, но также усиливало неравенство позиций.

Во-вторых, исследовательскую команду, состоящую обычно из двух человек, практически всегда сопровождали еще один-два представителя поставщика услуг, которые иногда присутствовали и на самих интервью. Таким образом, интервью не всегда происходили в условиях конфиденциальности, что могло влиять на характер высказываний информантов. Как правило, интервью с помощниками по уходу и получателями услуг проходили дома у получателей услуг, в результате зачастую к получателям услуг приезжала делегация от трех до пяти человек.

В-третьих, интервью проходили в рабочее время, что добавляло напряженности, помощники по уходу были вынуждены отрываться от своих непосредственных обязанностей. Например, одна из помощниц по уходу для того, чтобы поучаствовать в исследовании, была вынуждена задержаться у получателя услуг на полчаса, а потом еще полтора часа беседовать с нами, другая — из-за интервью опоздала к своей подопечной на час. Подобные обстоятельства могли существенно влиять на ход самих интервью, информанты могли, сознатель-

но или нет, торопиться, ограничивать свои высказывания или вести себя менее раскованно.

Такой формат организации полевой работы обладает высокой эффективностью и удобством. Исследовательская команда освобождается от многих задач, связанных с рекрутингом и логистикой, сосредотачиваясь исключительно на проведении интервью. Однако вместе с тем возникают определенные сложности, связанные с установлением доверительных отношений с информантами, сохранением нейтральности в общении и обеспечением объективности получаемых данных.

Влияние институционального доступа на взаимодействие с информантами

Роль исследователя в условиях административного опроса оказывается не нейтральной, а его воспринимаемая роль влияет на то, что и как говорят информанты (Roulston, 2010). То, каким образом исследователь представлен информанту привратником, определяет уровень доверия и стиль взаимодействия (Wiles et al., 2005: 19). В нашем случае принадлежность к Президентской академии, обеспечившая легкий вход в поле, а также сам формат проведения интервью, одновременно спровоцировала восприятие нас как внешних проверяющих или контролирующих, что могло сдерживать откровенность информантов и трансформировало взаимодействие в формализованное.

Во время проведения полевой работы было несколько ярких эпизодов, демонстрирующих отношение к исследовательской команде как к проверяющим. Переезжая на служебной машине КЦСОН от одного информанта к другому, замдиректора КЦСОН в присутствии исследователей при разговоре по телефону называла наш визит «проверкой», несмотря на предыдущие разъяснения о научном характере исследования. Когда на это было указано, она признала, что использовала слово «проверка» для упрощения объяснения родственникам. В другой раз замдиректора КЦСОН успокаивала помощницу по уходу перед интервью, говоря: «Не волнуйся, они просто поговорят, отвечай как есть». Такие эпизоды демонстрируют, что зачастую в глазах информантов на всех уровнях интервью имело контрольный/проверяющий статус, а «просто поговорить» воспринималось как нестандартная и тревожная ситуация.

В другом КЦСОН попытка исследовательской группы организовать интервью в формате «один на один» вызвала подозрение и иронию у руководства. Одна из респонденток с характерным скептическим выражением лица явно сигнализировала, что искреннее высказывание невозможно в таких условиях. Ниже приведен фрагмент диалога, в котором исследователи пытаются объяснить важность уединенного формата интервью, но встречают скепсис и недоверие (фрагмент 1, строки 10–15):

Фрагмент 1.

1. И1: Давайте, может быть, ну, чтобы время не терять, поговорим. Но единственное, что нам надо разделиться.
2. И2: Да, может быть, я бы тоже поговорила...

3. И1: Ну вот можно с заместителем.
4. Р1: Да, вы тогда поговорите с Ириной, а вы со мной.
5. И1: Да, только нам бы надо разделиться в разных...
6. Р2: Мы в школу ухода пойдем, если что.
7. Р1: Но в школе ухода там сейчас занятия. Ну где-нибудь в кабинете своем.

Ну там есть люди, конечно.

8. И1: Не-не-не. Нам надо без людей, потому что не... как сказать... не то чтобы... просто так...

9. Р1: **Положено.**

10.И1: Не то что положено, просто если мы будем говорить, допустим, в присутствии, допустим, ваших подчиненных, то вы будете совсем другое говорить, нежели вы будете говорить наедине. Потому что, когда есть третий человек, это может быть не подчиненный, просто третий, любой незнакомый человек, который будет сидеть рядом, вы будете все равно говорить с оглядкой на этого третьего человека и будете немножко по-другому говорить.

11.Р2: Как бы вы хотите, чтобы мы так расслабились и рассказали... (*общий смех*)

12.И1: Ну это будет и вам комфортно, то есть и респонденту комфортнее и интервьюеру комфортнее, потому что...

13.Р1: Это как раз **ВАМ комфортнее**, потому что мы-то своих не стесняемся.

14.И1: Это вам так кажется. Ну в смысле, может быть, вы и не стесняетесь, но все равно вы не сможете говорить, эээ, открыто, скажем так...

15.Р1: (*выражение недоверия, лукавая улыбка, скептическое выражение лица*)

16.И1: Повторюсь, с оглядкой на присутствующих.

17. Р1: Ну хорошо.

В таких условиях сильно затрудняется выстраивание доверительных горизонтальных отношений, необходимых для качественного интервью, предполагающего открытость, уязвимость и рефлексию. Информанты в подобных условиях склонны к самоограничению в высказываниях. Они могут прибегать к осторожным, обтекаемым формулировкам, демонстрируя стремление «не навредить» себе, коллегам или учреждению (Gründelová, Broskevičová & Kowolová, 2024; Dundon, Ryan, 2009). В результате на первый план выходят шаблонные нарративы, а не реальные затруднения, критика или неоднозначные суждения.

Одним из заметных последствий административного рекрутинга может быть смещение в сторону респондентов, склонных демонстрировать высокую степень лояльности. В своей статье Бродхэд и Рист показывают, как привратники стремятся ограничить исследование только «безопасными» респондентами или данными, не угрожающими репутации организации (Broadhead, Rist, 1976). Аналогичные процессы наблюдались и в нашем проекте. Это касается как представителей организаций — поставщиков услуг, заинтересованных в позитивной презентации своей работы, так и получателей услуг, находящихся в зависимости

от системы и, возможно, испытывающих страх перед возможными последствиями негативных высказываний.

В абсолютном большинстве взятых интервью отсутствовали упоминания о серьезных проблемах. Даже при настойчивых попытках интервьюера узнать о сложностях и проблемах респонденты ограничивались упоминанием незначительных рабочих затруднений (например, «планшеты виснут»). Пример диалога с экспертом ресурсного центра иллюстрирует отказ от артикуляции проблем даже при прямом вопросе (фрагмент 2, строки 1–2). Только после того, как интервьюер предлагает возможную проблему (оценка качества услуг), респондент охотно соглашается и развивает тему (фрагмент 2, строки 3–4). Такое взаимодействие демонстрирует не только избегание критики, но и возможную внутреннюю установку «говорить по ситуации», подстраиваясь под контекст, а не выражать собственную позицию.

Фрагмент 2.

1. И: А есть какие-то основные проблемы? Или вообще в принципе проблемы, связанные с СДУ сейчас?

2. Р: (*молчание*) Проблемы, связанные с СДУ? (*молчание*) Я не думаю, что есть какие-то проблемы, связанные с СДУ, только потому, что этот проект очень молодой. И вот эти все винтики, межвед (межведомственное взаимодействие), экспертная работа — это все должно как-то, ну, укорениться что ли, отработано, понимаете? Все, а дальше заводи. Это даже, ну, назвать проблемами язык не поворачивается. Какие проблемы?

3. И: Ну вот, мне кажется, что проблема может быть в оценке качества предоставляемых услуг.

4. Р: Можно. А вот я вам больше скажу, по контролю качества, в принципе-то ничего такого и нет. Но здесь все как регион говорит. Как тебе скажут, ты сам придумываешь там что-то. Чего-то единого, какого-то образца вот контролируемого — его нет. Вот. За этим надо бдить, конечно. Обязательно что-то придумывать там, усовершенствовать. И я думаю, что в ближайшее время это все будет. Может, изменяться будет, если наш регион что-то не устроит.

Характерным проявлением скрытой самоцензуры можно считать ответ информанта на вопрос об «отстающих» регионах: «...если бы знал, может быть, и сказал бы...» (фрагмент 3, строка 5). Эта конструкция ярко демонстрирует нежелание озвучивать потенциально чувствительные оценки даже в рамках конфиденциального интервью.

Фрагмент 3.

1. И: Ну, а вы знаете какие-то отстающие регионы, скажем так?

2. Р: Нет. Нет. Вот если честно, *если бы знал, может быть*, и сказал бы, но отстающие...

Несмотря на вышеописанное, даже в жестких институциональных рамках время от времени удавалось услышать голоса, выбивающиеся из общей нормы,

живые, рефлексивные, а порой и откровенно критические. Важно подчеркнуть, не следует воспринимать все интервью, полученные в таких условиях, как формальные, сухие или неинтересные. Хотя доля содержательных и открытых интервью в этом случае действительно ниже, чем в исследованиях с более свободным доступом к полю, однако даже в условиях институционального рекрутинга информанты делились личными историями, профессиональными наблюдениями и сложными переживаниями, выходящими далеко за рамки официальных отчетных нарративов.

Интервью, полученные через административный доступ, не являются некачественными или нерелевантными. Они дают исследователю возможность увидеть, какие высказывания, оценки и форматы общения считаются допустимыми и безопасными в конкретном организационном контексте. Эти данные позволяют исследовать не только содержание, но и границы допустимого с точки зрения исследуемой институции. Ограничения, накладываемые административным доступом, не обесценивают собранные материалы, но требуют вдумчивой интерпретации с обязательным учетом влияния статуса исследователя и особенностей организации доступа.

При этом даже в условиях высокой формализованности и настороженности удается выстраивать моменты подлинного контакта, когда человек постепенно отходит от изначальной сдержанности, раскрывается и начинает говорить о своих сомнениях, трудностях, реальных практиках и переживаниях. Такие эпизоды требуют больше времени, деликатности и внимательной работы со стороны интервьюера. Так, во фрагменте 4 государственная служащая в ответ на сокрушение интервьюера о том, что от информантов нельзя добиться проблем, намекает, что проблемы, конечно, есть, но о них не принято говорить (фрагмент 4, строки 4–6). Информантка указывает на **норму молчания** как на культурно укоренившееся явление. Важно различие между «бояться» и «не принято», если первая формулировка отсылает к страху перед возможными последствиями, то вторая — к глубинной внутренней норме профессионального поведения, когда отсутствие жалоб воспринимается как правильное и привычное поведение.

Фрагмент 4.

1. И: Но тут единственное, что проблема, нельзя добиться от людей... а в чем... Есть какие-то проблемы.
2. Р: А они не скажут.
3. И: Почему? Я не могу понять, это потому что их действительно нет, или потому что они боятся говорить?
4. Р: Скорее второе...
5. И: Ну, вот это как бы странно, потому что...
6. Р: Даже не то что боятся, а не принято.

Похожую мысль высказывает и другая информантка (найдена по личным каналам), уточняя, что замалчивание проблем связано не только с устоявшейся культурой «не жаловаться», но и с опасениями негативных последствий для того,

кто озвучит трудности. Проблемы воспринимаются не как повод для обсуждения и решения, а как жалобы, которые могут быть расценены руководством как проявление нелояльности. «Главное, чтобы было красиво. Это болезнь, потому что у нас все для галочки. Каким образом вы это сделаете, это ваши проблемы. У нас это было всегда. Девиз: не должно быть жалоб. <...> Заведующие так же молчат, потому что каждый дорожит своим местом. <...>. Вы знаете вообще, как на этих собраниях? <...>. И вот соцработник встала одна и задала вопрос свой. То ли по поводу премии, то ли по поводу чего-то еще, выплат каких-то. Но ее по видео определили. Все, она была уволена. Так что у нас это давно. <...>. И это не только в социальной сфере. Это так везде. В нашей стране так повелось, я не знаю, с каких времен, с царских или доцарских, но почему-то у нас все так».

Таким образом, наблюдаемое молчание респондентов, их осторожность и ориентация на «безопасные» формулировки отражают не просто личные стратегии поведения, но и институциональные рамки, формирующие условия доступа к полю. Эти рамки определяют, кто в итоге попадает в исследование и о чем может идти речь в интервью, что, в свою очередь, может приводить к смещению в сторону «успешных кейсов». Так в нашу выборку могли попасть помощники по уходу с большим опытом, или с высокой мотивацией, или с хорошими отношениями с организаторами ухода, а также получатели услуг, чья ситуация считается в регионе/районе «показательной».

Например, в одном из городов первое интервью с помощницей по уходу проходило в здании КЦСОНа, а информантка была представлена директором учреждения в хвалебных интонациях. На замечание интервьюера о том, что представление не требуется, директор ответила: «Ну, я должна же похвастаться своими лучшими сотрудниками». Подобная демонстративная гордость сопровождала и визит к получателю услуг, ветерану Великой Отечественной войны, выбранному для интервью, вероятно, как показательный кейс. В другом случае в интервью участвовала помощница по уходу с более чем 16-летним опытом работы в системе социальной защиты, что также может указывать на целенаправленный отбор наиболее компетентных участников. Это ограничивает возможности выявить уязвимые, конфликтные или проблемные практики, однако не отменяет главного: даже в условиях административного контроля в центре интервью всегда остается человеческое взаимодействие. Именно в этом пространстве межличностного контакта, несмотря на институциональные ограничения, иногда возникают моменты подлинной открытости, когда формальные рамки временно уступают место живой, непринужденной коммуникации. Такие эпизоды становятся возможными не благодаря, а вопреки заданной структуре и свидетельствуют о том, что человеческий фактор остается ключевым даже в самых жестко организованных исследовательских форматах.

Тем не менее отдельные эпизоды откровенности не всегда способны скомпенсировать структурные ограничения, вызванные институционально организованным доступом. Как отмечает Кваде в книге «Исследовательское интервью», сбор данных прекращается по достижении точки насыщения — момента, когда

дополнительные интервью перестают давать существенно новую информацию. Он отмечает, что в современной практике число респондентов обычно составляет 15 ± 10 чел., что связано с сочетанием ресурсных ограничений и принципа минимизации повторов (Квале, 2003: 106). Схожие рекомендации дают Люборски и Рубинштейн, полагая, что для большинства исследований достаточно от 12 до 26 респондентов в каждой категории (Luborsky and Rubinstein, 1995: 105).

Однако даже при формальном достижении насыщения данные могут оставаться частичными и необъективными. Так, в исследовании ухода за пожилыми людьми Грогер и коллеги опросили 60 человек, по 20 в каждой из трех групп: получатели ухода, родственники-ухаживающие и профессиональные работники пансионатов для престарелых (Groger, Mayberry, Straker, 1999). Несмотря на усилия, направленные на разнообразие выборки, исследователи осознали, что целый ряд потенциально значимых ситуаций остался вне поля зрения. Это произошло главным образом из-за отказов респондентов и ограничений, накладываемых привратниками. Впоследствии они выделили 15 ситуаций, которые, по их мнению, должны были быть представлены в выборке, но не были охвачены. Как отмечают авторы: «Когда мы сталкиваемся с избыточностью, мы чувствуем уверенность, что охватили весь спектр вариаций, на самом деле это может быть не так из-за тех, кто отказался с нами говорить» (Groger, Mayberry, Straker, 1999: 834).

На момент написания статьи исследовательской командой было взято более 100 интервью, не более 15 из них можно признать выходящими за рамки сложившегося институционального дискурса, демонстрирующего устойчивость и благополучие системы. Таким образом, даже при достижении насыщения по количеству интервью исследователь может столкнуться с ограничением вариативности данных. Это особенно актуально в контексте административного доступа к полю, когда сам механизм рекрутинга сужает диапазон наблюдаемых ситуаций и замыкает исследование на нормативных, «витринных» кейсах.

Заключение

Институционально опосредованный доступ к полю влияет не только на организационные аспекты исследования, но и на характер собираемых данных. В нашем случае привратники на всех уровнях, от регионального руководства до сотрудников социальных служб, выступали не просто посредниками, а активными соавторами исследовательского процесса. Они формировали выборку, определяли формат взаимодействия и задавали допустимые рамки откровенности.

Административно организованный вход в поле обеспечил высокую эффективность проведения интервью и формальную открытость респондентов. Однако вместе с тем он создал жесткие фильтры, в выборку чаще попадали благополучные кейсы и лояльные информанты, критические голоса оказывались в мень-

шинстве. Это сузило вариативность данных, сместило акценты и в определенной мере заглушило напряженные или проблемные стороны.

Подобная конфигурация доступа требует адаптации привычных методик качественного исследования. Во-первых, необходимо расширять объем выборки: чем больше интервью, тем выше шанс зафиксировать менее «удобные» для системы истории. Во-вторых, важно искать альтернативные каналы доступа, чтобы компенсировать административную фильтрацию. В-третьих, при анализе собранных данных необходимо в обязательном порядке учитывать влияние привратников. В-четвертых, важен системный подход к документированию процесса доступа к полю, включая отказы, задержки и особенности взаимодействия как с привратниками, так и с информантами. Такая информация должна быть включена в методологический раздел наряду с общим описанием выборки; стандартных данных о числе информантов и их социально-демографических характеристиках недостаточно для оценки качества полевой работы. В-пятых, требуется четкая идентификация привратников с анализом их позиций, мотиваций и степени влияния на формирование выборки. И в-шестых, необходимо прозрачно фиксировать все модификации исследовательского дизайна, обусловленные административными ограничениями. Такой подход к раскрытию методики превращает фильтрующие механизмы из скрытого фона в предмет анализа, позволяя глубже понять логику функционирования исследуемого явления.

Итак, институциональный/административный доступ к полю не просто технический этап организации исследования, а один из ключевых элементов, формирующих содержание исследования. Привратники не только открывают символические двери, но и определяют, кого мы за ними встретим, о чем нам расскажут, а что останется за кадром. Поэтому осмысление роли привратников и влияния административной логики на производство данных должно стать не технической деталью, а неотъемлемой частью исследовательского процесса. Прозрачное описание этих влияний с указанием конкретных ограничений не ослабляет исследование, а напротив, делает его честнее, глубже и ближе к реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.

Broadhead R., Rist R. C. Gatekeepers and the social control of social research // Social Problems. 1976. № 23(3). P. 325–336. doi: 10.2307/799778

Clark T. Gaining and maintaining access: Exploring the mechanisms that support and challenge the relationship between gatekeepers and researchers // Qualitative Social Work. 2011. Vol. 10, no. 4. P. 485–502. doi: 10.1177/1473325009358228

Crowhurst I., Kennedy-Macfoy M. Troubling gatekeepers: Methodological considerations for social research // International Journal of Social Research Methodology. 2013. Vol. 16, no. 6. P. 457–462. doi: 10.1080/13645579.2013.823281

Dundon T., Ryan P. Interviewing Reluctant Respondents: Strikes, Henchmen, and Gaelic Games // *Organizational Research Methods*. 2009. Vol. 13, no. 3. P. 562–581. doi: 10.1177/1094428109335571

Emmerich N. When is a REC not a REC? When it is a gatekeeper // *Research Ethics*. 2016. Vol. 12, no. 4. P. 234–243. doi:10.1177/1747016116651668

Groger L., Mayberry P., Straker J. What We Didn't Learn Because of Who Would Not Talk to Us // *Qualitative Health Research*. 1999. Vol. 9, no. 6. P. 829–835.

Gřündělová B., Broskevičová Z., Kowolová I. When a gatekeeper denies a researcher access: Circumstances of gate closure in social work research // *Research Ethics*. 2024. doi: 10.1177/17470161241273813

Hayes D. Gaining access to data sources in statutory social work agencies: The long and winding road // *British Journal of Social Work*. 2005. Vol. 35, no. 7). P. 1193–1202. doi: 10.1093/bjsw/bch295

Hughes N. Gatekeepers // *Designing and Conducting Research in Social Science, Health and Social Care*. London: Routledge, 2019. Pp. 7–17. doi: 10.4324/9781351245425-2

Kay L. Guardians of research: Negotiating the strata of gatekeepers in research with vulnerable participants // *Practice*. 2019. Vol. 1, no. 1). P. 37–52. doi: 10.1080/25783858.2019.1589988

Luborsky M. R., Rubinstein R. L. Sampling in Qualitative Research: Rationale, Issues, and Methods // *Research on Aging*. 1995. Vol. 17, no. 1. P. 89–113. doi: 10.1177/0164027595171005

Roulston K. *Reflective interviewing: A guide to theory and practice*. London: Sage, 2010. doi: 10.4135/9781446288009

Sanghera G. S., Thapar-Björkert S. Methodological dilemmas: gatekeepers and positionality in Bradford // *Ethnic and Racial Studies*. 2008. Vol. 31, no. 3. P. 543–562. doi: 10.1080/01419870701491952

Wanat C. L. Getting Past the Gatekeepers: Differences Between Access and Cooperation in Public School Research // *Field Methods*. 2008. Vol. 20, no. 2. P. 191–208. doi: 10.1177/1525822X07313811

Wiles R., Heath S., Crow G., Charles V. *Informed Consent in Social Research: A Literature Review*. 2005.

REFERENCES

- Kvale, S. (2003). *Research Interview*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Broadhead, R., Rist, R. C. (1976). Gatekeepers and the social control of social research. *Social Problems*, 23(3), 325–336. doi: 10.2307/799778
- Clark, T. (2011). Gaining and maintaining access: Exploring the mechanisms that support and challenge the relationship between gatekeepers and researchers. *Qualitative Social Work*, 10(4), 485–502. doi: 10.1177/1473325009358228

- Crowhurst, I., Kennedy-Macfoy, M. (2013). Troubling gatekeepers: Methodological considerations for social research. *International Journal of Social Research Methodology*, 16(6), 457–462. doi: 10.1080/13645579.2013.823281
- Dundon, T., Ryan, P. (2009). Interviewing Reluctant Respondents: Strikes, Henchmen, and Gaelic Games. *Organizational Research Methods*, 13(3), 562–581. doi: 10.1177/1094428109335571
- Emmerich, N. (2016). When is a REC not a REC? When it is a gatekeeper. *Research Ethics*, 12(4), 234–243. doi:10.1177/1747016116651668
- Groger, L., Mayberry, P., Straker, J. (1999). What We Didn't Learn Because of Who Would Not Talk to Us. *Qualitative Health Research*, 9(6), 829–835.
- Gřundělová, B., Broskevičová, Z., Kowolová, I. (2024). When a gatekeeper denies a researcher access: Circumstances of gate closure in social work research. *Research Ethics*. DOI: 10.1177/17470161241273813
- Hayes, D. (2005). Gaining access to data sources in statutory social work agencies: The long and winding road. *British Journal of Social Work*, 35(7): 1193–1202. DOI: 10.1093/bjsw/bch295
- Hughes, N. (2019). Gatekeepers. In: F. McSweeney & D. Williams (Eds.). *Designing and Conducting Research in Social Science, Health and Social Care* (pp. 7–17). London: Routledge. doi: 10.4324/9781351245425-2
- Kay, L. (2019). Guardians of research: Negotiating the strata of gatekeepers in research with vulnerable participants. *Practice*, 1(1): 37–52. doi: 10.1080/25783858.2019.1589988
- Luborsky, M. R., Rubinstein, R. L. (1995). Sampling in Qualitative Research: Rationale, Issues, and Methods. *Research on Aging*, 17(1), 89–113. doi: 10.1177/0164027595171005
- Roulston, K. (2010). *Reflective interviewing: A guide to theory and practice*. London: Sage. doi: 10.4135/9781446288009
- Sanghera, G. S., Thapar-Björkert, S. (2008). Methodological dilemmas: gatekeepers and positionality in Bradford. *Ethnic and Racial Studies*, 31(3), 543–562. doi: 10.1080/01419870701491952
- Wanat, C. L. (2008). Getting Past the Gatekeepers: Differences Between Access and Cooperation in Public School Research. *Field Methods*, 20(2), 191–208. doi: 10.1177/1525822X07313811
- Wiles, R., Heath, S., Crow, G., Charles, V. (2005). *Informed Consent in Social Research: A Literature Review*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Надежда Илшатовна Галиева — научный сотрудник, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва, Россия.

Nadezda I. Galieva — Researcher, Center «Institute of Social Analysis and Forecasting», Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 1.07.2025;
одобрена после рецензирования 19.08.2025;
принята к публикации 17.09.2025.
The article was submitted 1.07.2025;
approved after reviewing 19.08.2025;
accepted for publication 17.09.2025.